

УДК 37.014.3
ББК 74.04

В.А. Ермолов

РЕФОРМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 20-х гг. XX ВЕКА (На примере Новгородской губернии)

Нынешняя реформа школьного образования, призванная обновить учебный процесс и приблизить школу к потребностям государства, своими корнями уходит в далекие 20-е годы прошлого столетия. О том, как на заре советской власти большевистские «реформаторы», отринув традиции и опыт российской педагогики, пытались создать «новую школу» и «нового человека», с какими трудностями они столкнулись на этом пути и каковы были результаты их «деятельности» в первое десятилетие советской власти будет рассказано в предлагаемой статье.

Ключевые слова:

агент коммунистического просвещения, Всероссийский учительский съезд (ВУС), демократическая школа, децентрализация управления, красный педагог, Наркомпрос, политехнизация, «рабочие книги», Совнарком, трудовая коммуна, школа I-й и II-й ступени, ФЗС, ФЗУ, ШКМ.

В начале пути

Первая после Октябрьской революции реформа школы началась в полном соответствии с идеей «отречения от старого мира». Новая власть в своих расчетах решила сделать упор на создание школы с пролетарским уклоном. Нарком просвещения А.В. Луначарский уже 29 октября 1917 г. в обращении «О народном просвещении» выдвинул целый комплекс мер на ближайшую перспективу. Перечислялись задачи всеобщей грамотности, всеобщего бесплатного обучения, создание единой школы, децентрализации управления образованием и т.д.¹ К сожалению, в основе преобразований лежал не педагогический опыт предшествующих поколений, а утопические построения, оторванные от реальной жизни.

Отныне на территории Советской республики упразднению подлежали доставшиеся ей от старой России 29595 школ и училищ, входивших ранее в ведение Министерства государственных имуществ, Министерства двора, Министерства внутренних дел, Св. Синода, Министерства просвещения. Заодно ликвидировались и частные учебные заведения, императорские, школы иностранных колонистов (немецкие, греческие и др.)². В результате более 50 типов упраздненных школ нужно было заменить новым типом образовательного учреждения. Задача осложнялась тем, что и в верхах, и на местах на фоне переживаемых страной сложностей и отсутствия необходимого опыта не сложилось единого и ясного представления о том, что именно нужно строить в первую очередь. Оставалось идти на методом проб и ошибок.

Наспех созданный для этой цели 12 ноября 1917 г. руководящий орган – Государственная комиссия по просвещению, призванный контролировать и направлять работу всей сферы народного образования, не нашел ничего лучшего, как передать весь букет проблем, связанный с организацией новой школы, органам местного самоуправления. Однако работа застопорилась, поскольку в органах самоуправления также не оказалось квалифицированных специалистов школьного строительства, да и других забот хватало. Тогда 5 июня 1918 г. вышел новый декрет, передававший организационные вопросы в ведение Народного Комиссариата по просвещению с непременным условием преобразования учебно-воспитательного процесса исключительно на началах «научной педагогики и социализма»³. 16 октября 1918 г. вышло Положение о Единой Трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Республики. По мысли его идеологов (В.И. Ленина, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, М.И. Покровского, А.С. Бубнова, Л.Д. Троцкого и др.) образование, да и сама школа должны стать политехническими и идти по пути полной унификации, заменив собою все разнообразие типов школ царской России. Реорганизацию системы народного образования пришлось вести в условиях Гражданской войны, поэтому организационные ошибки и непродуманные волевые решения были неизбежны.

VIII Съезд РКП(б), проходивший в Москве 18–23 марта 1919 г. законодательно закрепил задачу «доведения до конца начатое с Октябрьской революцией 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии... в орудие коммунистического перерождения общества... в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»⁴. Таким образом, во главу угла реформирования школы ставилась задача воспитания «нового человека», который стал бы вместе со школой не только проводником принципов коммунизма, но и активным участником идейного воздействия на полупролетарские и непролетарские слои населения. Учителям вменялось в обязанность «рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения»⁵.

Создание на селе школы нового типа проводилось в тесном контакте с политической пропагандой и культурно-просветительной работой. ВКП(б) допускала и даже поощряла дополнительное использование «всякого рода специалистов и просто образованных людей для чтения курсов и помощи в жизни народных домов» («изб-читален» – В.Е.), но вместе с тем на местах партийные организации должны были внимательно следить, «чтобы элементы, враждебные советской власти, не воспользовались аппаратом общего образования и не проводили под видом литературы, науки и искусства тенденций общественно-вредных, контрреволюционных и так или иначе парализующих усилия коммунистической пропаганды»⁶. Особое и едва ли не главное внимание в культурно-просветительной работе с населением и особенно молодым уделялось формированию нового массового сознания. Изба-читальня становилась не очагом просвещения, а организацией коммунистического воспитания подрастающего поколения.

В Новгородской губернии советской власти достались от старого строя 1308 начальных, 13 семилетних, 1 мужская гимназия, 7 женских гимназий, 5 реальных училищ, 4 учительские семинарии, в которых к началу Октябрьской революции училось 65 тыс. человек. Состояние образования в далеко не богатой Новгородской губернии и до революции было не вполне удовлетворительным. Особенно это относилось к самой массовой народной начальной школе. В деревнях большинство начальных школ ютилось в крестьянских избах. Не все из них имели наглядные пособия и необходимое школьное оборудование⁷.

Условиями учебного процесса и материальному обеспечению соответствовал и уровень знаний учащихся. В докладе Крестецкой земской управы сообщалось: «Из разговоров с крестьянами видно, что школа существующего типа их мало удовлетворяет. Слышатся и такие суждения: «Ну, что же, мой парнишка окончил курс, а ни написать, ни прочесть письма». Или: «Кончить-то кончил, да писать и считать еле-еле. Матка скорее пятаками сосчитает, а не училась в школе...». И дальше из доклада следовало: «Нельзя не признать, что... церковноприходская школа дает лишь беглое и весьма нетвердое накопление знаний, которые очень скоро улечиваются...»⁸. В результате такой постановки школьного образования большинство взрослого населения губернии к Октябрю 1917 г. оставалось неграмотным или же малограмотным.

Отношение учителей к советской власти и новой школе

Захват власти большевиками в октябре 1917 г., был отрицательно воспринят подавляющей массой учителей городских и сельских школ как «попрание принципов демократии», хотя сами большевики не отрицали насильственного характера своих действий⁹. Возмущение учителей усугублялось бесцеремонным вмешательством большевиков в область просвещения. Дело в том, что еще в первых числах августа 1917 г. в Петрограде состоялся Всероссийский учительский съезд (ВУС), на котором присутствовало 800 делегатов. Был оформлен Устав и поставлены задачи коренной реорганизации образования на началах свободы, демократизации и децентрализации его. Работу намечалось проводить без ущемления прав какой-либо категории населения, т.е. без классовых принципов, мирным парламентским, а не силовым путем¹⁰. Но с приходом к власти большевиков в реорганизации образования стал преобладать силовой метод, и все надежды либерального учительства пошли прахом. Съезд рекомендовал учительским организациям на местах воздержаться «от любых сношений с советской властью», кроме, разумеется, тех случаев, когда «необходимость в них обуславливается интересами защиты арестованных учителей»¹¹. Временный Петроградский совет учительских делегатов (450 делегатов от 10 тыс. учителей города) постановил подвергнуть наркома А.В. Луначарского личному бойкоту.

Противостояние учителей действиям советской власти нарастало. 15 декабря 1917 г. Временный Петроградский совет учительских делегатов постановил объявить всеобщую забастовку, но ее организованному проведению помешали непредвиденные обстоятельства. Надвигающийся голод и материальные затруднения в связи с дороговизной самого необходимого раскололи учительское единство. Если московские учителя согласились с забастовкой, то среди их питерских коллег начался разброд¹². Власть немедленно воспользовалась представившимся случаем и перешла в контрнаступление, чтобы сломить сопротивление той части интеллигенции, которая не желала принять участие в классовой борьбе. 27 февраля 1918 г. Государственная комиссия по просвещению издала постановление о выборности всех педагогических должностей¹³.

Нарком Луначарский, проявивший в первое десятилетие советской власти недюжинный талант разрушителя основ отечественной педагогики, добился превращения постановления в декрет. На заседании Петросовета в марте 1918 г. он с удовлетворением констатировал: «Таким образом, будет удален всякий хлам и сохранен необходимый живой материал»¹⁴. Под «необходимым живым материалом» подразумевались учителя – если уж не явные сторонники советской власти, то, во всяком случае, согласные с ней сотрудничать. При этом наличие диплома

и профессионализма не являлись обязательным условием для поступления на работу. Достаточно было рекомендаций политических или иных организаций, лояльных к власти. Главное – это, каких политических взглядов придерживался кандидат на вакантное место учителя. Развивая мысль о примате политизации образования над другими педагогическими приемами и формами, Луначарский в 1929 г. утверждал, что «педагог может быть хуже детей, которых он воспитывает, но может хорошо воспитывать их, если у него есть понимание социализма, если он всей душой за новую правду, и знает, как ее привить детям»¹⁵.

Активно велась работа по привлечению учителей на сторону советской власти и в Новгородской губернии. В марте–апреле 1918 г. во всех уездах были проведены учительские съезды, а 24–25 мая в Новгороде собрался губернский учительский съезд, подтвердивший настоятельную необходимость идеологической работы с учителями, но и здесь значительная часть учителей весьма сдержанно отнеслась к идее создания новой школы. Некоторые учителя Ново-Кочановской школы, игнорируя декрет об отделении церкви от государства и школы, заставляли детей до начала занятий ходить в церковь на богослужение. В этом им активно помогал местный священник¹⁶. Противостояние учителей политике Наркомпроса на северо-западе страны закончилось для 360 учителей увольнением с работы¹⁷.

Что ожидало в ближайшее время интеллигенцию, согласившуюся сотрудничать с советской властью? Находившийся в эмиграции глава московской школы философии Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) предупредил о грозящих трудностях: «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ... Придется действовать в условиях ужасных и первобытных, и сколько раз у новых сеятелей «разумного, доброго, вечного» будут опускаться руки при виде этого необозримого поля, на котором новая жизнь начинается среди мертвых костей»¹⁸.

Материальное положение учителей

Ломка старой школы и рождение новой протекали в условиях повсеместной разрухи и голода. Материальное положение учителей становилось катастрофическим. В январе 1918 г. Совнарком принял решение увеличить размеры учительского жалованья. Государственная комиссия по просвещению постановила увеличить оклад учителей начальных школ, который тогда составлял 67 руб. в месяц, до 150 рублей учителям средних школ и преподавателям высших начальных училищ. Прибавка была одной из мер привлечения учителей к сотрудничеству с советской властью, но дикая инфляция быстро обесценивала деньги. Стоимость рубля стремительно падала¹⁹. Выдача зарплаты частенько задерживалась. Но если в крупных городских центрах деньги все же доходили до получателей, то в губерниях и уездах они часто использовались местными органами образования на покрытие других потребностей, а потому и приходили в школы с большим опозданием. В результате обесценивания рубля Наркомпросу пришлось, как и на производстве, ввести пайковое снабжение. Однако и эта мера мало чем помогла. Осенью 1919 г. в Наркомпрос поступило сообщение о том, что «учительство Деревской волости Тихвинского уезда всю зиму настоящего 1919 г. голодало, довольствуясь пайком очень часто не больше $\frac{1}{2}$ фунта овса и $\frac{1}{2}$ фунта ржи в неделю»²⁰. В условиях продолжающейся Гражданской войны и военной интервенции

существенно повысить пайки учителям не было никакой возможности. 1921 г. кроме политического кризиса и крестьянских волнений принес еще и голод в Поволжье. Оттуда в не затронутые засухой губернии, в т.ч. и в Новгородскую, стали вывозить детей. Забота о них легла на плечи местных органов власти.

С окончанием Гражданской войны и введением НЭПа учителям легче не стало. Инфляционные процессы не прекратились. Стоимость рубля в 1921 г. упала по сравнению с 1913 г. в 5600 раз. За 1922 г. цены выросли в 256 раз, а в 1923 г. – в 263 раза!²¹ Престиж учительской профессии падал. Педагогов теперь стали именовать «шкрабами» – по революционной аббревиатуре тех лет. Со времен Гражданской войны и голода 1921 г. местные власти часто подвергали учителей необоснованным притеснениям. Им без каких-либо оснований стали выдавать хлебный паек значительно меньший, чем рабочим и совслужащим. В 1922/23 учебном году месячная зарплата городского учителя составляла 13,12 руб., в деревне – 8,13 руб. Учитель школы второй ступени в городе получал 15,17 руб., а в деревне – 9,40 руб.²² Учителя начальных школ получали теперь лишь 75 % дореволюционного содержания²³. На эти зарплаты было не прожить. В г. Боровичи пара кожаных мужских сапог стоила 15 руб. 28 коп., что, кстати говоря, равнялось месячному заработку сторожа или уборщицы. Неважно было и с пенсионным обеспечением. С сентября 1924 г. инвалиды труда получали пенсию в размере 9 руб. 29 коп. Размер пенсий рос еще медленнее, чем зарплата. У боровичской учительницы Бедункович Ядвиги Флоровны, чей педагогический стаж исчислялся с 1901 по 1928 гг., пенсия составила всего 10 руб.²⁴ Уровень материального обеспечения интеллигенции упал в 4–5 раз. Для сравнения скажем, что в дореволюционной России бедновато жили лишь низшие категории интеллектуального слоя – учителя сельских начальных школ, фельдшеры, ветеринары, псаломщики и младшие офицеры армии и флота. Их годовое жалованье (240–260 руб.) было сопоставимо с заработками основной массы рабочих²⁵. Учитель пения в Екатеринославле получал годового жалованья 240 руб. и 30 – за управление училищным хором²⁶. Что же касается учителей городских средних школ (гимназий и реальных училищ), то их зарплата и общественное положение было иным. Их жалованье и доходы в несколько раз превышали доходы работников физического труда. В начале XX века жалованье учителей средней школы составляло от 900 до 2500 руб. в год. При выслуге установленного срока службы пенсия назначалась в размере полного оклада. Так что благосостояние среднего представителя «образованного сословия» позволяло ему поддерживать свой престиж и отвечало представлениям о роли этого сословия в обществе. Чего еще можно было желать?

Теперь же, спасаясь от голодной жизни, учителя стали покидать школы и переходить на работу в советские учреждения. Пытаясь приостановить это массовое бегство, В.И. Ленин писал в 1923 году: «Не надо скардничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены»²⁷. Но из-за бюрократической волокиты и воровства распоряжение вождя выполнялось плохо. Бегство учителей на производство и в совучреждения продолжались, Особо невезучие из учителей нанимались работниками к состоятельным крестьянам или же осваивали различные ремесла на селе. Но и здесь не всем везло, и тогда в адрес Наркопроса полетели панические телеграммы, в которых сообщалось, что «шкрабы» в очень тяжелом положении». Луначарский по получении одной такой телеграммы поспешил прямо к Ленину.

«– Что такое значит шкраб, – недоуменно спросил Ленин, читая телеграмму. Что у вас там крабы, аквариум какой-нибудь?»

– Нет, пояснил нарком, тут не аквариум, а это значит – школьный рабочий человек.

– Фу ты, черт! – раздраженно заметил Ленин. Какому идиоту пришло в голову такое отвратительное слово придумать, – для этого есть прекрасно звучащее слово – «народный учитель». Прошу вас оставить это выражение для этой категории людей»²⁸.

Во второй половине 20-х гг. материальное положение учителей по-прежнему оставалось неудовлетворительным, несмотря на выделение им в бесплатное пользование приусадебных участков и некоторое повышение зарплаты (в школе 1-й ступени: в городе – 46 руб. 22 коп., в деревне – 39 руб. 10 коп.)²⁹.

С началом коллективизации обеспечение учителей сельских школ продуктами питания переложили на колхозы. Но выдачу продуктов правление колхоза осуществляло только после выполнения годовых обязательств по поставкам продукции и налоговым выплатам государству. К сожалению, не все колхозы справлялись с годовыми обязательствами, значит и учителя вместе с колхозниками оставались на полугодном снабжении. Длительный «пост» выплескивался в раздраженные и дерзкие высказывания. Заведующий Ленинградским областным отделом народного образования был неприятно поражен, услышав от учительницы, что «царское правительство было лучше по отношению к крестьянам», а от второй, выведенной из терпения нищетой: «Обуй, одень, а уж потом работу требуй!»³⁰ Как известно, Ленин собирался поставить народного учителя материально и духовно «на такую высоту, на какой он никогда не стоял, не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»³¹. Не успел...

Даешь новую школу!

Партийные и советские органы Новгородской губернии с первых лет советской власти в ударном темпе взялись за претворение в жизнь планов социалистического строительства и переустройства системы образования. Началась повсеместная ломка старой школы. Решением Новгородского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 7 марта 1918 г. упразднили дирекцию народных училищ, ликвидировали должности директоров, инспекторов гимназий и реальных училищ, начальниц женских гимназий, классных дам и помощников классных наставников. С 9 марта 1918 г. по постановлению Государственной комиссии по народному просвещению и решению Новгородского губисполкома в Новгороде был образован и приступил к работе губернский отдел народного образования. В июне того же года в губернии заработали волостные и уездные отделы народного образования. К работе по реформированию школы подключился агитационно-информационный подотдел при исполкоме губернского Совета. Во исполнение декрета от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» политотдельцы к 6 октября 1918 г. старательно очистили от икон все сельские и городские школы.

Что на практике представляла собой унифицированная единая трудовая школа? Это была школа девятилетка с двумя ступенями обучения. 1-я ступень с пятилетним сроком обучения предназначалась для детей в возрасте от 8 до 13 лет. 2-я ступень с четырехлетним сроком – для детей от 13 до 17 лет. Для управления подобными учебными заведениями создавались коллегии, избираемые на педагогических советах. В состав педсовета входили учителя, один ученик от двух старших классов, три представителя от родителей и один – от организаций и учреждений. С созданием на местах органов народного образования (ОНО)

все школы были переданы этим отделениям. С нового 1918/19 учебного года в школах ввели совместное обучение мальчиков и девочек. Основой школьной деятельности отныне объявлялось вовсе не получение прочных основ знаний, а производительный труд как средство «коммунистического воспитания», а заодно и способ «оплаты издержек на содержание детей», ибо на государственное финансирование в условиях Гражданской войны рассчитывать не приходилось. Таким образом, труд изначально стал превалировать над другими школьными предметами и органически связывался и с обучением, и воспитанием.

Но только после XIII съезда РКП(б), состоявшегося в Москве 23–31 мая 1924 г., началась работа по практическому приспособлению школы «к потребностям рабочего класса и крестьянства на основе задач социалистического строительства»³². Еще в 1920 г. В.И. Ленин, придерживая не в меру ретивых «реформаторов» школьного образования, указал: «1) Избегать ранней специализации, разработать инструкцию об этом. 2) Расширить во всех профтехшколах общеобразовательные предметы... 3) Нам нужны столяры, слесари тотчас. Безусловно. Все должны стать столярами, слесарями и проч., но с таким-то добавлением общеобразовательного и политехнического минимума»³³.

Со смертью Ленина все его указания руководителями Наркомпроса были пересмотрены в обратной пропорции; политехническому обучению открывалась «зеленая улица» а общеобразовательная часть, была сокращена до минимума.

По всей Новгородской губернии прошли учительские съезды. Руководители уездных и волостных парткомов выступили с докладами «XIII съезд РКП(б) и задачи учительства». Предлагалось не только увеличить заработную плату учителям городских и сельских школ, но еще больше вовлечь учителя в рамки советской общественности. Еще на VIII съезде РКП(б) было принято решение в целях скорейшей ликвидации неграмотности на селе и при содействии партийных ячеек в помещениях волостных совдепов и в избах-читальнях создавать кружки чтения. Чтецами, естественно, стали сельские учителя «на началах особой повинности грамотных». Если в городе учитель занимался преимущественно школьной работой, то на селе ему вменялось в обязанность «обслуживать газетой и книгой сельское население».

Для новой школы потребовались и новые учебные программы. Их составлением занялся Государственный Ученый Совет (ГУС). К 1924 г. работа над программами была завершена. В ней приняли участие наряду с педагогами-новаторами ученые и педагоги «старой школы». ГУСовские программы преподносились едва ли не как последнее слово современной педагогической мысли, основанной на идеологии победившего пролетариата.

Провозглашались «три незыблемых принципа Программ ГУСа: комплексность, связь школьной работы с современностью и краеведение»³⁴. Учебные программы дореволюционной школы отныне отменялись как безусловно устаревшие, ибо строились на «дряблой и обманчивой идее старого мира об аполитичности просвещения»³⁵. Вскоре появилось на свет «Циркулярное письмо», в котором наряду с прочими рекомендациями предлагалось отменить существующие учебники. «Комплексность» в большевистском исполнении на деле как раз и обернулась отменой не только учебников, но и традиционных учебных предметов. Вместо них в школах вводились два раздела-комплекса – «Природа и человек», «Труд и Общество». Конечная цель подобных «инноваций» сводилась к задаче научить детей «мыслить и чувствовать по-коммунистически». По русской словесности была

придумана «хрестоматия», и тоже только с двумя разделами – «Освобожденный труд» и «История классово́й борьбы»³⁶.

В той же «Программе ГУСа» при воспитании «нового человека» рекомендовалось вообще отказаться от того, чтобы ссылаться на природу ребенка, которая будто бы требует тех или иных методов»³⁷. Ребенок или молодой человек рассматривались только как «человеческий материал», «глина в руках ваятелей». Индивидуальные особенности личности игнорировались как «буржуазные предубеждения». В методическом письме к работникам просвещения говорилось: «Мы должны сказать, что ребенка воспитываем мы, что его формируют цели, которые мы себе поставили, а этой целью является коммунистическое воспитание»³⁸. К пережиткам прошлого были отнесены психологическая культура, духовность и, конечно же, религия. Историк М.Н. Покровский, получивший в те годы лестную ленинскую оценку за одно из своих «произведений»³⁹, призывал нещадно искоренять религию: «нежничать с таким зверем, как религия, не следует», как не следует и «щадить религиозные чувства»⁴⁰. Древнюю евангельскую заповедь почитания отца рекомендовалось применять лишь к такому отцу, который стоял на революционно-пролетарских позициях, а если был против революции, то дети обязаны были перевоспитывать его собственными силами. И некуда было деться бедному ребенку, поскольку интересы революционного класса были важнее благ отца⁴¹.

Одновременно разрабатывалась комплексная программа и для сельской школы 1-й и 2-й ступени. Проект программы уточнялся и корректировался в 1926 г. в Новгороде на губернских образовательных курсах. Вся программа с первого по четвертый год обучения в школах 1-й ступени Боровичского уезда носила явный сельскохозяйственный уклон. Малышам первого года обучения, кроме знакомства со школой и правилами поведения, вменялось в обязанность наблюдение над природой и тем, как семья готовится к зиме. Из-за отсутствия учебников и пособий по общеобразовательным предметам, малыши вынуждены были все запоминать со слов учителя, а последний иногда не мог решить, как поступить с новым материалом; давать ли на уроке весь текст или же делить его на части. В результате словарный запас детей не пополнялся и оставался катастрофически малым. При изучении стихотворения «На смерть Ленина» дети не могли объяснить значение слова «гудок», «гений», «преграды природы» и т.д. Под заводским гудком, который они в деревне никогда не слышали, дети понимали вой ветра⁴². На втором и третьем году обучение начиналось со знакомства с сельским хозяйством (на примере своего села) и носило более конкретный характер. Например, сколько было собрано хлеба в хозяйстве семьи школьника или, какая была погода? Что вредило урожаю, и какие сельскохозяйственные машины крестьяне приобрели в складчину или в кредит? Применялись ли удобрения? Сколько приходилось пахотной земли на едока и т.д.

Весь курс «географии» сводился к знакомству с понятиями: «равнина», «вышенность», «течение реки», «устье», «приток» и т.д. Сюда же вошли типы землепользования: «узкополосица», «трехполье» и «многополье». Преподавание «истории» в школах 1-й ступени не выходило за рамки земельного вопроса и знакомило учащихся лишь с борьбой крестьян за землю. В школах 2-й ступени история вообще перестала быть отдельным предметом и вошла составной частью в обществоведение, где и растворилась среди элементов политэкономии, экономической географии, советского права, истории социализма, войн и революциях⁴³. Преподавание истории как дисциплины, формирующей гражданские ка-

чества личности, отменялось. Сам нарком просвещения А.В. Луначарский писал, что преподавание истории «в направлении народной гордости и национальных чувств должно быть отброшено», необходимо воспитывать чувство «солидарности с людьми, которые строят космос»⁴⁴.

Знакомство с законодательством страны ограничивалось Декретом о земле. Пояснялось, кто имел право владеть землей и кто облагался налогом. Необходимо было знать (из газет), как идет сбор урожая хлеба в СССР и что этот хлеб вывозится за границу в обмен на машины⁴⁵. «Техническое» обучение ограничивалось знакомством лишь с сельскохозяйственными машинами (молотилка, веялка, мельницы водяные и ветровые, ручные ткацкие станки, свойства железа, бесконечный ремень для передачи движения и кустарные профессии). И лишь на четвертом году обучения происходило знакомство с государственным устройством СССР⁴⁶.

Как отнеслись учителя школ Боровичского уезда к обучению «комплексами» по программе ГУСа? Обследование сельских школ в 1926 году, проведенное школьным инспектором С. Н. Поршняковым, показало, что учителя при переходе на комплексную программу обучения практически игнорировали образовательные установки ГУСа. Учителя «старой» школы нередко пытались обучать детей предметно по старым программам. Деревенские учителя не обладали достаточным уровнем общеобразовательной подготовки и в большинстве не были готовы к роли «проводников коммунистических идей». Уроки политграмоты у них вообще не получались. И дело здесь было не только в отсутствии каких-либо методических пособий. Разобраться в установках коммунистического воспитания или же политехнического обучения можно было только после соответствующего обучения или самообразования. Но свободного времени у деревенского учителя практически не оставалось, ибо он был загружен работой по ликвидации безграмотности. В Боровичах школы II ступени кроме общего школьного образования больше ничего не давали, поэтому учащиеся из рабочих семей, которым после окончания 9-го класса нужно было идти на производство, чтобы помочь семье, бросали школу. Те же из них, которые все же оканчивали школу, имели смутные представления о рабочих профессиях и вынуждены были довольствоваться на Бирже труда ролью чернорабочего, что очень удручало родителей. Не лучше обстояло профессиональное обучение и в сельских школах II ступени. Крестьяне жаловались, что после окончания школы их чада могли лишь пахать землю и косить сено, а нужны были шорники, сапожники и кузнецы. Школьная реформа неумолимо заходила в кризисный тупик.

Как отнеслись дети к новому для них виду «обучения»? Отмена поурочной системы с привычными звонками с урока и на урок, отсутствие домашних заданий, да и самих учебников расхолаживало детей и делало уроки неинтересными. Падала не только успеваемость, но и дисциплина, ибо любые формы наказания категорически запрещались. В результате бедным учителям часто приходилось в ответ на замечание выслушивать оскорбления в свой адрес, а то и нецензурную брань пролетарских отпрысков.

Большие трудности в работе с «комплексами» испытывали и учителя городских школ. Они не могли даже представить себе, что весь учебный материал можно «втиснуть» в две-три простейшие схемы, в каждой из которых учебные программы сокращались до минимума, и при этом в ускоренном темпе решать проблему поголовной грамотности в стране. Учителя, боясь запутаться в малоопытных образовательных установках, в работе с учащимися старались избегать

революционной тематики. Нежелание педагогов «старой» школы использовать в работе с учащимися сюжеты из классовой борьбы или же вести пропаганду фабрично-заводского труда, на которой так настаивал Наркомпрос СССР и РСФСР, настораживало идеологических работников ОблОНО. Руководствуясь ленинским пожеланием о необходимости «сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам», а заодно и «заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики...»⁴⁷, они резво принялись перековывать на «новый лад» как психологию, так и педагогические навыки учителей. Если этого не получалось, то учителей выгоняли из школы⁴⁸. Трудно было «старым» учителям отказаться от классического наследия русской литературы и перейти к воспеванию чуждой и незнакомой им индустриализации. А ведь именно эта мысль прозвучала в докладе «О народном просвещении» наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова. «Одним из важнейших вопросов общей политики, – заявил он, – является вопрос об обслуживании народным просвещением всех видов социалистического строительства нынешнего периода»⁴⁹. Не решаясь открыто выступать в роли противников малознакомого им производства, учителя изливали свое негативное отношение к распоряжению Наркомпроса в стихотворной форме, которую помещали в рукописных журналах школьных литературных кружков. Вот отрывок из одного такого стихотворения, обнаруженный идеологами Ленинградского ОблОНО в рукописном журнале школы № 48 (быв. 5 гимназии): «...Не хочу воспевать я заводы, / Звон железа, гранит и бетон – / В монотонном гуденье приводов / Слышен долгий, мучительный стон...»⁵⁰.

На 2-й Ленинградской конференции ВКП(б), состоявшейся 14 июля 1929 г., некоторые горячие головы предлагали провести массовую «чистку» непокорных учительских кадров наподобие той, которая началась в партии. Но тогда пришлось бы уволить от 30 до 40 % педагогов из «бывших». А их и так по данным Наркомпроса в школах страны было не более 16 %⁵¹. Образовавшуюся «прореху» пришлось бы латать подготовленными на скорую руку «красными педагогами». Среди них было много как случайных людей, так и тех, кто вообще не владел педагогическими навыками, но зато все были классово выдержанными. Более трети новых учителей начальной школы не имели даже законченного среднего образования, а у 24,3 % оно вообще было низшим⁵². Директора школ оказались в затруднительном положении, поскольку не было гарантии, что с увольнением «старых» учителей, учебный процесс не покатится вниз. Зав. Парахинской школы Боровичского уезда Максимычев соглашался на чистку учительского коллектива, но взамен требовал гарантий, «что вместо тех, кого мы вычистим, нам будут даны лучшие новые работники»⁵³. «Красные педагоги» на звание лучших, конечно же, никак не могли претендовать. Наркомпрос распорядился запретить массовую чистку работников педагогического труда⁵⁴.

«Красным педагогам» предстояло подключиться к перевоспитанию малолетних правонарушителей, которых в 1926 году в Боровичах числилось 45, а в уезде – 144 человека⁵⁵. Спектр их антиобщественной деятельности был довольно широк и простирался от простого воровства (79 случаев), до хулиганства (52 случая). Были среди них специалисты по изготовлению и хранению самогона (8 человек) и столько же поджигателей жилых домов и сараев. В городе класс преступной квалификации был повыше. Некто В.Г. Шевелюк, 15 лет, «взял», как тогда выражались, не какой-нибудь там продуктовый ларек или деревенскую халупу, а Троицкий собор, из которого похитил 4 ковра и содержимое двух денежных кружек⁵⁶. Для работы с подобным контингентом «красные педагоги»

явно не годились. Из 189 малолетних преступников у 109 были оба родителя.⁵⁷ Начинать надо было с них.

Много было беспризорных детей, нуждавшихся в социальной защите, и в образовании. Вопрос упирался не только в подбор кадров учителей, но и в финансирование и строительство новых школ. В этой ситуации любая форма организации, способная отвлечь детей и подростков от преступного мира, была крайне необходима. Местные органы власти и органы образования пошли по пути создания трудовых коммун, в которых дети, находясь на государственном обеспечении, учились бы и получали трудовые навыки. В Боровичском уезде две такие коммуны – «Им. III Интернационала» в бывшей помещицкой усадьбе «Гришина Гора» и «Сельскохозяйственная юношеская трудовая коммуна им. К.Маркса» в селе Ровном, – охватывали чуть больше 150 малолетних «коммунаров». На 80 % это были дети крестьян и рабочих, сироты из окрестных деревень и городские беспризорники. Коммуны имели в своем распоряжении пахотные участки земли, сенокосы, коров, свиней и рабочих лошадей. Трудились и во многом обеспечивали себя коммунары сами. Питание детей, согласно отчетам медицинской комиссии, было более чем удовлетворительным, но вот обеспечение теплой одеждой, постельным и нательным бельем (по две смены на человека при почти 50 % износе) было явно недостаточным. Во время одного из обследований врачами бытовых условий воспитанников, последние были поражены неустроенностью быта детей; в спальнях царилась грязь, на полу валялись портянки и сапоги (не было ни чулок, ни носков, ни летней обуви!).

Половозрастной состав воспитанников (от 12 до 18 лет) требовал от воспитателей дифференцированного подхода в воспитании, но отсутствие учебной и какой-либо другой литературы делала почти невозможной эту работу. Вместо учебников имелись «рабочие книги» и пособия, но, даже собранные вместе, они не давали систематизированного цельного знания. Недостаточным было обеспечение воспитанников инструментами и инвентарем. По ночам от набегов коммунаров страдали крестьянские огороды, сады и пасеки. Произвол старших воспитанников над младшими, хамство и ненормативная лексика были повсеместным явлением. Здесь нужны были не просто педагоги-предметники, а воспитатели и учителя, знакомые с ведением сельского хозяйства и производства. Но таких явно не хватало. Отсюда большая потребность в кадрах. Городского учителя, а тем более учительницу, сюда и на аркане было не затащить. За 1926 г. в Ровенской коммуне сменилось 19 директоров⁵⁸!

В коммунах большой популярностью у детей пользовалась физкультура. В свободное от учебы и работы время их надо было чем-то занять и развлечь. Одной из воспитательных форм стал спорт. Но не обошлось без идеологических установок. «Цель советской системы физических упражнений – подготовить и поддержать на уровне полного здоровья борца, защищающего завоевания революции»⁵⁹. 27 июня 1926 г. в селе Ровном состоялся первый в уезде детский товарищеский футбольный матч с командой села Ануфриево. Со счетом 5:0 победила команда села Ровное⁶⁰.

Нерешенной оставалась и проблема занятости городской молодежи в возрасте 15–20 лет. XV-я партконференция ВКП(б) отметила остроту вопроса безработицы среди пролетарской молодежи (подростков и так называемых переростков, главным образом, детей фабрично-заводских рабочих и низкооплачиваемых служащих). «Эта пролетарская молодежь, не имея возможности учиться не только в учебных заведениях, но и в предприятии, обречена на длительную безработицу и

вынужденное безделье. Оставаясь вне воздействия пролетарских общественных организаций (ведущих работу главным образом и почти исключительно на предприятиях) и их культурно-просветительной работы, она морально разлагается и совместно с подрастающими слоями беспризорных образует главные кадры воинствующей «улицы», вырождаясь в антиобщественный элемент, заражающий своей психологией, в силу бытовой близости, значительную часть работающей молодежи и даже наименее устойчивые слои комсомола»⁶¹.

В Боровичской «армии» безработных (около 1 000 чел мужчин и женщин на апрель 1925 г.) подростков было зарегистрировано 69 чел. Горсовет решил открыть для них «Дом безработных» с оборудованными мастерскими. Остальных подростков за небольшую плату предлагалось занять чисткой сапог или доставкой газет к утреннему поезду⁶². Для большинства из этих детей время учебы пришлось на революцию, Гражданскую войну и голод 1921 г., когда думалось не столько об учебе, сколько о том, где бы добыть кусок хлеба, чтобы дожить до следующего утра. Безграмотная, без какой бы то ни было профессиональной подготовки и незнакомая даже с азами правовой жизни, эта молодежь в условиях острой безработицы не могла найти работу и вскоре стала уголовным кошмаром для горожан и для милиции. Всего две школы фабзауча ФЗС и ФЗУ да три пункта ликвидации неграмотности мало чем могли помочь. Всю эту вольницу еще надо было суметь заставить учиться. Школы для взрослых повышенного типа и школы крестьянской молодежи (ШКМ) для них мало подходили, ибо эта молодежь абсолютно не умела ни читать, ни писать.

Однако жизнь продолжалась. 25 июля 1930 г. в Облоно поступила директива ЦК ВКП(б) о политехнизации школы. Она предполагала на первых порах наличие в школах хотя бы кабинетов труда и квалифицированных преподавателей. Ни того, ни другого в области не было. Учителям пришлось самостоятельно решать проблему политехнизации. Часть из них направилась на ближайшие заводы и фабрики и там заключила договора о помощи производства школе. Но дальше этого дело не пошло. Директора заводов и фабрик и своими-то проблемами были завалены выше головы, а тут еще думай о школе. Поэтому, например, в Валдайском районе многие школы вообще не стали заключать договоры, а те, что заключили, убрали «под сукно»⁶³.

Итоги школьной реформы (1918–1930 гг.)

Наступил 1930 г. В стране полным ходом шло выполнение 1-го пятилетнего плана страны (1928–1933). Массовая индустриализация потребовала хорошо подготовленных кадров рабочих, инженеров и техников. Обеспечить возрастающие потребности в них должны были школы и вузы страны. Каков же был итог десятилетнего реформирования системы образования, и справилась ли школа с поставленными задачами? Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 10–11 ноября 1929 г., вынужден был признать, что «работа по обеспечению пятилетки кадрами поставлена совершенно неудовлетворительно и проходит без сколько-нибудь обоснованных планов, без учета реальных потребностей и возможностей их удовлетворения»⁶⁴.

Школы II ступени, призванные готовить контингент для поступления в вузы и втузы, со своей задачей не справились. Те 40–45 % абитуриентов, идущих в высшую школу, оказались слабо подготовленными для усвоения институтских программ. «От того, каков этот материал, – говорил на одном из совещаний А.С. Бубнов, – очень многое зависит, как у нас будет идти учеба в высшей школе... Не-

обходимо сказать школе: «Поднимай общеобразовательный уровень! Давай нам таких людей, которые по части физики, химии, общих начатков математики и прочего стояли бы на крепкой почве»⁶⁵. В целях улучшения качества подготовки учащихся школ II ступени в начале 1929 г. Совнарком РСФСР принял решение о введении десятилетнего срока обучения. Это вытекало из документа июльского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. «О повышении академической успеваемости оканчивающих школу II ступени»⁶⁶. Единственный педагогический вуз им. К. Либкнехта готовил кадры учителей преимущественно для сельских школ, но там и зарплата, и условия труда мало кого устраивали. Поэтому потребности в учителях с высшим образованием на селе удовлетворялись лишь на 20 % от необходимого (еще 50 % учителей давали педтехникумы⁶⁷).

М.Н. Покровский, подводя итоги десятилетней реформаторской деятельности Наркомпроса, с горечью писал: «Больше 10 лет с 1918 года Наркомпрос бьется над задачей создания нового учителя. Но добиться сколько-нибудь крупных и осязательных результатов, которые бы чувствовались не в отдельных «опытно-показательных» учреждениях, а в масштабе всей страны мы пока не имеем»⁶⁸. Из-за недостаточного финансирования отставала не только программа школьного строительства, но и материальное обеспечение учителей. «До последнего времени, – писал М.Н. Покровский, – вознаграждение советского педагога в чрезвычайной степени отстаёт от оплаты труда педагога досоветского...»⁶⁹.

Провалилась и задача всеобщего обязательного начального обучения, ибо была ориентирована на охват детей лишь 8-летнего возраста. По РСФСР из 10 млн. 201 тыс. детей по справке Наркомпроса в 1930–31 гг. (без автономных республик) детей 8-летнего возраста в школах обучалось всего 2 млн 435 тыс. человек. Остальные возрастные группы 9–10–11-летнего возраста (7 млн 835 тыс. – подсчеты наши) или посещали школы с большими пропусками занятий, либо вообще не учились⁷⁰. Подростки от 11 до 15 лет вынуждены были проходить ускоренный курс обучения в одногодичных или двухгодичных школах или на курсах. Из-за неуспеваемости наблюдался большой отсев учащихся.

В уже упомянутом нами поселке Парахино существующие школы не могли охватить обучением всех детей школьного возраста. Выход нашли простой: администрация стала избавляться от детей с трудным характером и поведением. Учащиеся, выгнанные из школы, начинали пить и сбиваться в подростковые шайки хулиганов. Из-за отсутствия в магазинах достаточного количества одежды и обуви, некоторые дети школьного возраста не могли посещать школу. Наполняемость классов падала. Вакуум стали заполнять дети мещан и состоятельной части населения, что вызывало крайнее недовольство местных властей. Председатель Кончанского РИКа Жигалова была возмущена тем, что ОкРОНО запретило ей гнать из школы крестьянской молодежи детей «лишенцев» на том основании, что из 120 учащихся лишь 3-е были детьми бедноты. «Надо дать возможность учиться детям бедноты», – призывала представительница власти и просила выделить инспектора для руководства учителями из «бывших людей»⁷¹. К 1930 году безграмотность подрастающего поколения приближалась к 100 %⁷². М.И. Калинин в статье «На борьбу за качество работы советской школы», приуроченной к первой годовщине всеобщего обучения в Союзе ССР, писал: «...Наша школа пока что слабо справляется с основной своей задачей, т.е. обеспечением высокой грамотности обучаемых детей. Даже дети, окончившие семилетку, очень слабо вооружены грамотой, они особенно плохо знают свой родной язык и простую грамматику»⁷³.

Явственный провал школьного дела в его образовательной области и острая необходимость качественного улучшения школьного образования вынудило вмешаться в этот процесс высшие органы государственной власти. Руководству Наркомпроса СССР предложили обратиться к наследию дореволюционной системы школьного образования. Постановление 1931 г. «О начальной и средней школе» и последующие постановления ЦК ВКП(б) положили конец всем прожектерским экспериментам в области школьного образования. 5 сентября 1931 г. Постановление ЦК ВКП(б) вынуждено было признать, что «коренной недостаток школы в том, что «обучение в школе не дает объема общеобразовательных знаний»⁷⁴.

Постановление призывало «повести решительную борьбу с теми, кто либо увлекается левацкой фразой, либо тянет назад к буржуазной школе». Все возвращалось на круги своя. Теперь гонению подверглись те из «классово выдержанных педагогов», которые еще год назад активно боролись с традиционно работающими педагогами. Многострадальная советская школа трудно, но упорно возвращалась к своим традициям.

¹ Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. – М., 1919. Вып. 1. – С. 156–159.

² Каптерев П.Ф., Музыченко А.Ф. Современные педагогические течения. – М., 1913. – С. 7.

³ См.: «Резолюция и постановления 1-го Всесоюзного учительского съезда». – Ростов-на-Дону. 1925. – С. 32.

⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Часть 1. 1898–1924. Партиздат, 1933. С. 333–334.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ Там же. С. 361.

⁷ На земле Новгородской. Очерки по истории Новгородской области. – Л., 1970. – С. 128.

⁸ Там же.

⁹ Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992, № 6. – С. 37.

¹⁰ Смирнов Н.Н. На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. – СПб., 1994. – С. 35.

¹¹ Там же. С. 316.

¹² «Учитель». – 1918, № 1. – С. 3.

¹³ Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства ... – С. 82–83.

¹⁴ «Известия Петросовета». – 1918, 31 марта.

¹⁵ «Известия ВЦИК». – № 110 от 17 мая 1929 г.

¹⁶ На земле Новгородской ... – С. 130.

¹⁷ «Северная коммуна». – 1918, 24 октября. Вечерний выпуск.

¹⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., изд. «ПРЕССА» 1991. С. 577.

¹⁹ Сборник документов 1917–1973 гг. – М., 1974. – С. 442–443.

²⁰ Учитель и революция: Сб. статей и материалов. – М., 1925. – С. 150.

²¹ Османов А.И. История России IX–XX века. – СПб., 2000. – С. 336.

²² Статистический сборник: Приложение к отчету ЦК VII Всероссийскому съезду Союза работников просвещения. – М., 1924. – С. 43.

²³ Кириллов С. О судьбах «образованного сословия» в России // Новый мир. – 1995, № 8. – С. 155.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 610. Л. 381.

²⁵ Кириллов С. О судьбах «образованного сословия» в России. – С. 155.

²⁶ «Екатеринославские епархиальные ведомости». – № 2 от 1 октября 1910. – С. 700.

²⁷ Ленин В.И. ПСС, 5 изд. Т. 45. – С. 364.

²⁸ «Известия ВЦИК». – № 112 от 19 мая 1929 г.

²⁹ Статистический сборник: Приложение к отчету ЦК... – С. 43.

- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 15. Д. 66. Л. 53.
- ³¹ Ленин В.И. ПСС, 5 изд. Т. 45. – С. 365.
- ³² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1924–1932). Часть II. 1924–1933. – М., 1933. – С. 65.
- ³³ «Правда». – № 245 от 5 сентября 1931 г.
- ³⁴ Первое методическое письмо к работникам просвещения Кирреспублики. – Оренбург, 1924.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Программы ГУСа и общественно-политическое воспитание. Первый объединенный съезд опытно-показательных учреждений и методических бюро. – М., 1925. – С. 171.
- ³⁷ Там же. С. 232.
- ³⁸ Первое методическое письмо к работникам просвещения ... С. 16.
- ³⁹ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия. Пятое посмертное издание. – М., 1934. – С. 12.
- ⁴⁰ Покровский М.Н. Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени. – М., 1924. – С. 21.
- ⁴¹ Нанивская В.Т. Анатомия репрессивного сознания (как создавалась отечественная школа) // Вопросы философии. – 1990, № 5. – С. 53.
- ⁴² Боровичский краеведческий музей им. С. Н. Поршнякова. Ф. 31. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
- ⁴³ Жаворонков Б. Что такое, наконец, обществоведение? // На путях к новой школе. – 1925. № 3. – С. 58.
- ⁴⁴ Ястер И.В. Духовная культура 1920-х гг.: Народное образование в рамках культурной политики большевиков // Государственная академия славянской культуры (г. Москва). Пензенский государственный университет. Общество «Знание» России. – Пенза, 2004. – С. 34.
- ⁴⁵ Жаворонков Б. Указ. соч. – С. 2.
- ⁴⁶ Боровичский краеведческий музей им. С. Н. Поршнякова. Ф. 31. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–4.
- ⁴⁷ Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 45. – С. 364.
- ⁴⁸ «Красная искра». – № 11 от 11 февраля 1926 г.
- ⁴⁹ «Известия ВЦИК». – № 227 от 16 апреля 1929 г.
- ⁵⁰ «Ленинградская правда». – № 87 от 16 апреля 1929 г.
- ⁵¹ «Известия ВЦИК». – № 68 от 10 марта 1930 г.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 210. Л. 1.
- ⁵⁴ «Правда». – № 136 от 16 июня 1929 г.
- ⁵⁵ «Красная искра». – № 46 от 24 июня 1926 г.
- ⁵⁶ «Красная искра». – № 67 от 8 сентября 1927 г.
- ⁵⁷ «Красная искра». – № 46 от 24 июня 1926 г.
- ⁵⁸ См.: «Красная искра». №№ 68 и 80 за 1926 г.
- ⁵⁹ Зикмунд А.А. Основы советской системы физкультуры. – М., 1926. – С. 14.
- ⁶⁰ «Красная искра». – № 50 от 8 июля 1926 г.
- ⁶¹ ВКП(б) в резолюциях ... Ч. II. – С. 305–306.
- ⁶² «Красная искра». – № 27 от 8 июля 1926 г.
- ⁶³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 15. Д. 254. Л. 125.
- ⁶⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов... Ч. II 1924–1933. – С. 587.
- ⁶⁵ «Известия ВЦИК». – № 17 от 17 января 1930 г.
- ⁶⁶ Баркин Г.А. Программно-лекционная работа Наркомпроса РСФСР в связи с усовершенствованием гуманитарного образования в Единой Трудовой школе II ступени (1918–1934 гг.) / Автореферат на соиск. ученой степени канд. пед. наук. – М., 1974. – С. 15.
- ⁶⁷ «Известия ВЦИК». – № 9 от 9 января 1930 г.
- ⁶⁸ «Известия ВЦИК». – № 68 от 10 марта 1930 г.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ «Известия ВЦИК». – № 105 от 16 апреля 1930 г.
- ⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 210. Л. 27.
- ⁷² Нанивская В. Т. Анатомия репрессивного сознания... С. 60.
- ⁷³ «Известия ВЦИК». – № 223 от 14 августа 1931 г.
- ⁷⁴ «Правда». – № 245 от 5 сентября 1931 г.